ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.4
УДК 330.88, 304.9, 101.8
JEL B24, B29, B49

CC BY 4.0
OPEN ACCESS

Экономическая теория «классной доски»: между реальностью и симулякром[1]

Петр А. ОРЕХОВСКИЙ [1)] ✉ iD, **Владимир И. РАЗУМОВ** [2)] iD
[1)] *Институт экономики РАН, г. Москва, Российская Федерация*
[2)] *Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация*

Для цитирования: Ореховский, П. А., Разумов, В. И. (2025). Экономическая теория «классной доски»: между реальностью и симулякром. *AlterEconomics, 22*(1), 40–53.
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.4

Аннотация. В 2023–2024 гг. в журнале «Вопросы экономики» развернулось обсуждение содержания экономического образования в России. Были опубликованы статьи известных российских экономистов А. А. Аузана вместе с соавторами А. А. Мальцевым и А. А. Курдиным, А. В. Бузгалина и А. И. Колганова, А. Е. Шаститко, Л. М. Григорьева, В. Л. Тамбовцева, Л. С. Гребнева. Несмотря на широту рассматриваемых вопросов, в центре дискуссии оказалась экономическая теория в самых разных ее версиях. При этом участники обсуждения игнорируют факт того, что в учебных курсах для экономистов практически исчезли история мысли, политическая и экономическая истории, до минимума сокращено преподавание философии. Цель статьи — решение вопроса, является ли современная экономическая теория симулякром, подобным политической экономии социализма, или адекватно отражает реальность? Разразившийся в последнее время политико-экономический кризис, который привел к концу глобализации и резкой фрагментации современного мира, авторы рассматривают как опровержение долгое время доминировавшей версии прогресса — теории модернизации. Делается вывод, что, в отличие от конкретных дисциплин, таких как финансы, статистика, менеджмент, экономической теории как актуальной реальности сегодня не существует. В связи с этим нет предмета для дискуссии: преподавать в курсе экономической теории можно что угодно. Выходом из состояния симулякра будет перевод основной части экономической теории в статус истории мысли. По мнению авторов, это позволит избежать идеологической ангажированности профессоров. Вместе с тем будет полезен курс философии и методологии экономической науки, изучение которого позволит слушателям разбираться в современных идеологических концептах и при случае самим конструировать востребованные рынком симулякры.

Ключевые слова: реальность, социализм, политэкономические дискурсы, симулякр, прогресс, теория модернизации, марксизм, неоклассический мейнстрим

[1] © Ореховский П. А., Разумов В. И. Текст. 2025.

RESEARCH ARTICLE

Economic Theory of the "Classboard": Between Reality and Simulacrum

Petr A. OREKHOVSKY [1)] ✉ iD, **Vladimir I. RAZUMOV** [2)] iD

[1)] *Institute of Economics of RAS, Moscow, Russian Federation*

[2)] *Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation*

For citation: Orekhovsky, P. A., & Razumov, V. I. (2025). Economic Theory of the "Classboard": Between Reality and Simulacrum. *AlterEconomics, 22*(1), 40–53. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.4

Abstract. In 2023–2024, the journal Problems of Economics initiated a discussion on the content of economic education in Russia. Articles by prominent Russian economists — including A.A. Auzan (with co-authors A.A. Maltsev and A.A. Kurdin), A.V. Buzgalin, A.I. Kolganov, A.E. Shastitko, L.M. Grigorieva, V.L. Tambovtsev, and L.S. Grebnev — were published as part of this discourse. While the discussion covered a broad range of issues, it primarily centered on economic theory in its various forms. However, participants overlooked a key issue: subjects like the history of economic thought, political and economic history, and philosophy have largely disappeared from economists' training. This article seeks to address a fundamental question: Is modern economic theory a simulacrum — akin to the political economy of socialism — or does it still provide an adequate reflection of reality? The authors argue that the recent political and economic crises, which have marked the end of globalization and led to increasing fragmentation, serve as a direct refutation of the long-dominant modernization theory. They conclude that, unlike applied disciplines such as finance, statistics, and management, economic theory as an independent field has ceased to exist in any meaningful way. As a result, discussions about what should be taught in economic theory courses become largely irrelevant — since, in practice, nearly anything can be taught under that label. To move beyond this simulacrum, it is proposed to reframe much of economic theory as part of the history of economic thought, which would help reduce ideological bias among instructors. Additionally, incorporating a course on the philosophy and methodology of economics would equip students with the tools to analyze contemporary ideological frameworks and, if necessary, create their own market-driven simulacra.

Keywords: reality, socialism, political economic discourses, simulacrum, progress, modernization theory, marxism, neoclassical mainstream

1. Введение

В престижном столичном журнале «Вопросы экономики» уже год как ведется оживленная дискуссия о содержании экономического образования в России (Аузан и др., 2023; Бузгалин, Колганов, 2023; Шаститко, 2024; Григорьев, 2024; Тамбовцев, 2024; Гребнев, 2024). В ней принимают участие известные ученые из МГУ им. М.В. Ломоносова и НИУ Высшей школы экономики. Обсуждается широкий круг вопросов, связанный с кризисом мейнстрима экономической науки (с 2008 г.), возрождением обновленного марксизма (с 1989 г.), необходимостью учета негативных установок, сложившихся в «народной экономической теории» (пока всерьез вообще не обсуждалось)… Маститые авторы демонстрируют широкую эрудицию, тонкость и глубину в интерпретации заявленных теоретических проблем. Однако всё это богатство экономической мысли предъявляется широкой общественности отнюдь не в качестве результатов исследований, которые теперь должны будут использовать коллеги в дальнейшей работе. Спор ведется о символической власти, как ее понимал П. Бурдьё (2017), а попросту — о количестве академических часов, выделяемых для изучения теоретических дисциплин. Ну и заодно, конечно же, о том, кому потом писать основные учебники по экономической теории.

За границами обсуждения осталось то, что во многих университетах у студентов экономических специальностей исчезли курсы экономической истории (да

и истории вообще), до минимума сокращен курс истории мысли (где, казалось бы, самое место и марксизму, и неоклассике), и философии. Идет сокращение общей численности и научных работников, и профессоров. Если принять эти обстоятельства во внимание, становится ясно, что за академическим ученым дискурсом стоят серьезные материальные интересы.

На этом фоне стоит вспомнить о судьбе одной забытой теории — политической экономии социализма. Похоже, что отмена преподавания этого курса не повлияла на качество экономического образования в России. Соответственно, очень может статься, что и исчезновение курсов микро- и макроэкономики вместе с мейнстримом и гетеродоксией тоже не скажется на компетентности будущих финансистов и менеджеров. Или скажется? Помогает ли экономическое знание эффективно включиться в хозяйственную деятельность? Как относиться к преподаванию теоретических курсов по экономике, если на практике применение экономических теорий (социализма, капитализма) проявило низкий прогностический потенциал?

2. О сущностном и существующем

Остановимся на феномене политической экономии социализма. Когда произошли известные события октября 1917 г., их интерпретировали как социалистическую революцию. Тем не менее социализм в тот момент не существовал. Его начали строить. Одновременно с этим впервые в мировой истории начинает конструироваться сущность социализма, т. е. оригинал создается с запаздыванием относительно уже реализуемой на практике копии.

Впоследствии то, что получилось, называли «азиатским способом производства» (Виттфогель, 1957), «номенклатурой» и «административной системой» (Восленский, 1991; Джилас, 1958), «соцолигархией» (Кронрод, 1992), нефтегосударством (*petrostate*) (Гайдар, 2006) и т. д. Тем не менее уже в 1920-х гг. появились ученые, которые занимались исследованиями советского социализма, а в 1954 г. появился первый учебник, который сделал преподавание новой дисциплины легитимным и респектабельным занятием.

Известное выражение Гегеля «что разумно, то действительно, что действительно, то разумно» часто воспринимали как апологетику монархии. Однако речь шла о старой (восходящей еще к Платону) линии аргументации: существовать может только то, что обладает сущностью, истиной. То, что фальшиво — не существует.

Здесь мы сталкиваемся с амбивалентностью обычной и философской речи. Онтология — учение о Бытии — предполагает однозначное функциональное соответствие между именами феноменов и их сущностью. Ошибка в определении может означать, что феномен существует, однако мы неверно его понимаем. Такая ошибка впоследствии может дорого обойтись — как полагали античные философы, использование ложных сущностей приводит к ложному существованию познающего субъекта; попросту к самоотрицанию.

В свою очередь понимание сущностей ведет к процессу создания новых форм. Люди занимаются копированием работы сил природы, создавая разную технику. Возвращенное Ж. Бодрийаром понятие «симулякр» изначально не несло в себе отрицательной коннотации, но указывало на определенный дефицит оригиналов при переходе к массовому промышленному производству.

Проблемы начинаются тогда, когда люди создают копии того, чего не существует. Этот специфический симулякр, собственно, и был открыт Ж. Бодрийяром (2007).

И это может быть вполне безобидным, хотя и приносящим большие дивиденды, продуктом разума в жанре фэнтези, а может быть и весьма опасной социальной квази-реальностью. Политическая экономия социализма была симулякром именно в последнем смысле. Социализма в СССР не было, а вот наука, которая его изучала, появилась, существовала, кормила большое количество своих адептов и убеждала начальство в том, что оно следует правильным ленинским курсом.

В случае с бодрийяровскими симулякрами философский реализм, будь то в своем материалистическом, будь то в идеалистическом изводе, сталкивается с дилеммами. Профессора — экономические теоретики в МГУ и в Высшей школе экономики существуют, но решают ли они сущностные вопросы? Какой процент их предсказаний оказался истинным? Или речь идет о том, что они хорошо транслируют студентам западное экономическое знание? А насколько последнее является истинным, особенно в приложении этого знания к российской экономике?

Кроме того, в античной культуре есть еще и старый миф о Галатее — сущности, которой не было, однако копия которой была создана скульптором. Впоследствии Галатея ожила и стала частью реальности благодаря любви Пигмалиона. Но ведь и социализм как идея, которой увлечены люди, присутствует в философских дискуссиях очень давно, К. Поппер находит своеобразный вариант «социализма» даже у Платона (Поппер, 1992). Человечество вообще мечтает о справедливом обществе, но мечту нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть, она не может быть истинной или ложной до тех пор, пока не установлено ее соответствие с реальностью. Тем не менее именно в рамках такой мечты А. Богданов создал свою «Тектологию» — науку об общих принципах организации (Богданов, 1989), ставшей своего рода предтечей кибернетики. Дальнейшая судьба тектологии, как и отношение советских теоретиков марксизма к взглядам и личности Богданова, весьма показательны. Сущностной дискуссии не получилось: советский симулякр социализма уничтожил тектологию вместе с возможностью создания новой реальности по Богданову. Опираясь на этот опыт, можно сформулировать новый, антиконвенциональный критерий истинности научной концепции в условиях торжества бодрийяровских симулякров, в полной мере развернувшихся уже в 1970-е гг. вместе с началом постмодерна — истина должна быть опасной для тех, кто предъявляет ее коллегам и обществу.

Социальные практики подтверждают этот критерий. Всё, что представляет интерес в точных и естественных науках, как только хотя бы часть научного сообщества признает выводы работ истинными, получает гриф «секретно». В широких масштабах это начинается примерно в 1980-х гг., но кое-какие научные результаты «секретятся» намного раньше. То же самое происходит и с частью открытий в социальных дисциплинах — напомним, например, о запрете на исследования социальной психологии в стиле Стэнфордского эксперимента (Зимбардо, 2014)[1]. А в XXI в.

[1] Следует отметить, что коллеги — психологи и социологи — начали опровергать корректность проведения эксперимента и его выводов еще при жизни автора. См., например, обзор такой критики: Ивтушок, Е. «Это все ложь»: о реальной подоплеке Стэнфордского эксперимента. https://nplus1.ru/blog/2018/06/18/stanford-uncovered (дата обращения: 27.12.2024). Учитывая то, что повтор эксперимента быстро стал невозможен по соображениям гуманности, это вело к дискредитации результатов. На обвинения в фальсификации пытался ответить сам Зимбардо в своей книге, но это убедило далеко не всех (хотя, надо отметить, об эксперименте в США снят достаточно комплиментарный фильм). Характерно, что критики избегают обсуждать реальные тюремные практики свободолюбивой демократической американской тюремной администрации в иракской тюрьме Абу Грейб в 2004–2006 гг., где «натурный эксперимент» полностью подтвердил теоретические измышления Ф. Зимбардо.

научная деятельность в основной массе представляет собой уже не поиск истины, а производство публикаций и «терапию занятостью» для части интеллектуалов.

Поэтому утверждение, что экономическое образование существует и нужно дискутировать о его содержании, представляется нам как минимум двусмысленным. Очевидно, что существуют определенные социальные практики, которые, с одной стороны, изучаются, с другой — конструируются определенными научными дисциплинами. К последним относится бухгалтерский учет, финансы, статистика, менеджмент, организация и экономика отдельных сфер народного хозяйства. В их рамках используются некоторые отдельные теоретические предпосылки, как правило, довольно простые. Однако существует ли такая отдельная дисциплина, как экономическая теория, на которую в университетском образовательном процессе приходится основное количество учебных часов? И существуют ли где-то, кроме классной доски, феномены, которые она рассматривает? Наконец, соответствует ли «экономическая теория» представлениям о научной теории, развитым в фундаментальных науках, общенаучном знании (Степин, 2000) и распространяющимся на междисциплинарные исследования? Следует отметить, что этот вопрос не нов. Е.В. Балацкий полагает, что экономическая наука находится в методологическом тупике и видит выход в создании новой науки — социономике (Балацкий, 2022). Такого же мнения в целом придерживается и С.Г. Кирдина-Чэндлер, оптимистически оценивающая возможности междисциплинарного синтеза (Кирдина-Чэндлер, 2023). Напротив, А.М. Либман, рассматривая ряд попыток междисциплинарного взаимодействия экономистов с представителями других наук, приходит к выводу, что истории успеха здесь случаются достаточно редко (Либман, 2023).

3. Философия истории и экономическая теория

Экономическую теорию принято относить к дисциплинам, которые формируют мировоззрение, позволяющее образованной личности отвечать на вопрос «что делать», в то время как прикладные дисциплины позволяют приобрести знание «как делать». Но если теория — часть идеологии будущего начальства, то ее нужно обсуждать в другом дискурсе: это — важнейший элемент технологии воспроизводства власти[1]. А начальство — истина-в-себе и истина-для-себя одновременно, т. е. в продолжение гегелевской стилистики: истина-для-себя-в-себе. И тогда, как выразился бы правоверный гегельянец, вопрос об онтологическом статусе экономической теории снимается. Попросту здесь уже не остается места для поиска «хорошего» содержания образования — истинным будет все то, что подтверждает легитимность существующего политического устройства. Тогда из-за чего весь переполох?

Повод — это неожиданно изменившееся после речи президента В.В. Путина в 2007 г. поведение части российского начальства. В реальность этого изменения многие не верили вплоть до 2022 г. Причина — в кризисе доминирующей версии философии истории, которая в общем виде известна как проблема прогресса

[1] Власть понимается здесь, в частности, как отношения господства — подчинения по М. Веберу. Возможны и другие интерпретации, но этого определения, как нам представляется, достаточно. Во избежание недоразумений следует оговориться, что для легитимации власти в демократическом обществе необходима и соответствующая оппозиция, придерживающаяся определенных правил. В отношении символической власти, которой обладают ученые, действуют ограничения. Так, например, Н. Хомски — выдающийся лингвист и в качестве такового он может ругать других лингвистов и преподавать в университете. Но свои политические взгляды он может высказывать только за стенами университета.

(Нисбет, 2013), а в последние несколько десятков лет — как теория модернизации. В самом простом (вульгарном, если угодно) изложении теория модернизации делит страны на «передовые» и «отсталые»[1]. Отсталые заимствуют опыт управления, образцы техники и различные «лучшие практики» у передовых и тем самым «развиваются», модернизируются. Критерием же уровня развития и, соответственно, модернизированности является уровень дохода граждан и богатства страны в целом. Вопрос, являются ли элементом богатства бумажки, представляющие собой долговые расписки и титулы собственности, остается дискутируемым, но большинство экономистов убеждают друг друга и остальную публику, что являются.

Передовые страны не только самые богатые, они еще и самые сильные в военно-политическом отношении. Там живут самые умные люди, поскольку богатыми эти страны стали благодаря развитию в них наук и образования. И граждане из стран победнее должны туда ездить жить и учиться, чтобы перенять чужой опыт и помочь изменить жизнь своим темным глупым соотечественникам, а если последние их не оценят, то устроиться самим на богатой чужбине, дабы реализовать заложенные в них недюжинные способности.

Другими словами: «Теория модернизации занималась проблемами и возможностями, связанными с превращением (бывших) колоний в процветающие современные страны. Такие авторы, как Ростоу, Хоузлиц, Айзенштадт, Нэш и Маклелланд, придерживались идеи о том, что „развитость" — это единое, объективное состояние, к которому должно прийти любое общество… Таким образом, развитые страны могли служить примером для подражания для менее развитых стран. Они просто дальше ушли в направлении развитости. Экономисты приняли идею Рошера об использовании исторического знания для того, чтобы вывести универсальные законы развития, но релевантными они сочли исключительно знания по истории западных стран; в конце концов западные страны были единственными развитыми странами. Универсальная модель развития была построена на исторической эволюции западных держав» (Бегельсдейк, Маселанд, 2016, с. 70–71). Или, если говорить о стремление к богатству — большинство людей «в той или иной степени заинтересованы в материальном улучшении своей жизни, а некоторые из них всегда будут пытаться удовлетворить это желание при подходящей возможности», поэтому «структуры… немодернизированного общества начинают передавать из рук в руки то изменение, которое направлено на структуры … модернизированного общества» (Levy, 2010, p. 742, 746)[2]. Или уж совсем просто: «Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего…» (Маркс, Энгельс, 1960, с. 9).

Заодно модернизация сопровождается увеличением гуманности, которая вместе с наукой способствует росту производительности. Этот фактор позволил легитимировать победу гуманного, но отсталого СССР над передовой, но антигуманной фашистской Германией. Впоследствии, когда СССР стал врагом, он стал и «отсталым», и «антигуманным». То обстоятельство, что СССР не упоминается в составе держав-победительниц в западной версии мировой истории, вполне соответствует теории прогресса, где все победы «отсталых» над «передовыми» государствами тщательно вымарываются.

[1] В версии прогресса К. Ясперса последние являются «внеисторическими» (Ясперс, 1991).

[2] Цит. по: (Лахман, 2010, с. 376).

Работа Р. Фогеля о плантационном рабстве в США, которая доказывала, что производительность и темпы роста Южных штатов накануне гражданской войны XIX в. была выше, чем в Северных (Fogel & Engerman, 1974), вызвала скандал уже во время своего появления на свет. Естественно, она до сих пор не переведена на русский язык — там же негуманные идеи. Зато переведена соответствующая прогрессистскому мировоззрению работа коллег Фогеля по увлечению клиометрикой Д. Норта и Д. Уоллиса вместе с Б. Вайнгастом. В ней показываются преимущества государств с «порядками открытого доступа» над государствами с «ограниченным доступом» (Норт и др., 2011). Россия в этой классификации, как положено, занимает свое правильное отсталое место. Возвращаясь к опасности как критерию истинности, зададим риторический вопрос: а смог бы Фогель опубликовать свою работу в США в 20-е гг. XXI в.? Да еще впоследствии получить Нобелевскую премию по экономике, которую он разделил с прогрессивным авторитетным Нортом? И как сейчас обстоит дело с доказательностью и достоверностью клиометрики на фоне движения BLM?

Ради справедливости стоит указать на ряд авторитетных западных ученых, которые негативно относились к такой философии истории, где «прогресс идет неумолимой поступью» вообще, и к теории модернизации в частности. В первую очередь это, конечно, мыслители австрийской школы, вместе с Поппером отрицавшие «историцизм» (Кубедду, 2008). Крайне скептически к этой теории относился и недавно умерший Р. Лахман, разработавший концепцию «пата элит» (Лахман, 2010; 2022). Но российское начальство, отвергнувшее в 1980-х — 1990-х гг. марксизм, восприняло другие версии этой же теории практически безоговорочно.

В таком случае, каков должен быть политический выбор лучших представителей отечественного обществоведения, верящих в истинность теории модернизации и поклоняющихся карго-культу мировой науки, в 2022 г., когда отсталая Россия оказалась в конфликте с большинством стран передового Запада? Эмиграция с целью занять в будущем высокое место в гуманной оккупационной администрации, которая доведет модернизацию России до логического конца, выглядит вполне логичным, хотя и несколько радикальным исходом. Патриотический вариант — остаться для смягчения негативных последствий от действий части начальства, отступившей от передового западного мировоззрения с продолжением миссионерской деятельности среди российского студенчества — тоже неплохо. И разве такое благородство оставшихся сторонников прогресса (здесь уместно вспомнить о предложенном братьями А. и Б. Стругацкими названии социально-фантастической профессии — «прогрессоры») на фоне уехавших не требует материального и карьерного поощрения? Таких людей государству надо беречь.

Сохранение и трансляция «сакрального знания» экономического мейнстрима, существенная часть которого является необходимым элементом теории модернизации, для чего профессорам нужны соответствующие академические часы — не что иное, как ответ экономистов на вышеуказанный кризис. Тем более, что фрагментация мировой экономики, в отношении которой используется эвфемизм «многополюсность», ничего сопоставимого по фундированности и идеологической значимости с теорией модернизации, своим адептам не предлагает. Разве что мир-системный подход Ф. Броделя, И. Валлерстайна и Дж. Арриги, являясь относительно респектабельным, помогает интерпретировать попытку стран БРИКС перейти из положения полупериферии в ядро мир-системы. Если верить в нумерологию, то двухвековой цикл подъема — спада гегемонии США должен завершиться где-то к 2060-м гг. А по-

том фрагментация и кризис теории закончится, и новые страны ядра станут эталонами для очередных прогрессоров в странах «догоняющей модернизации».

В философии истории циклическая смена морфологии системы встречается существенно реже, чем стадиальный прогресс. Да и начальству концепцию мир-системщиков сложнее объяснить. Тем более, что нынешнее руководство стран «глобального Юга» хочет ведь весь «мир поменять», а не заменить собой место слабеющей «семерки». Ну вот что тут делать экономистам? Марксисты, понятное дело, оживились — этих хлебом не корми, дай только возможность вложить в неокрепшие студенческие мозги идею мировой революции. А остальным прогрессорам только и остается рисовать на доске уравнения спроса и предложения, да соотношений товарной и денежной масс.

4. История мысли, экономическая теория и методология

Яркие иллюстрации того, что экономическая теория не существует, можно найти на примере некоторых учебных пособий, издававшихся в России в 1990-е гг.; в период, когда шел переход от марксизма к преподаванию экономикс. Основным учебником тогда стал двухтомник К.Р. Макконела и С.Л. Брю (1993), потом стали выходить переводы других западных экономистов. Но в каждом университете, кроме того, выходили пособия местных ученых. «Перейдем теперь к построению модели поведения контрагентов при обмене благами… Сторону в сделке, реализующую некоторое благо, будем называть продавцом, сторону, приобретающую благо за деньги, — покупателем. Ситуацию, когда в обмене участвуют всего два контрагента, продавец и покупатель, назовем *биполией* (*здесь и далее выделено автором — П.О., В.Р.*). Биполия есть простейший товарно-денежный рынок.

Процесс обмена состоит из пары действий каждого контрагента: изготовления (приобретения) блага продавцом с последующей продажей и приобретения блага покупателем с последующим потреблением или перепродажей. В связи с этим оценка полезности одного и того же блага противоположными сторонами сделки различна. Покупатель оценивает полезность блага, исходя из уровня удовольствия от его потребления, продавец — из уровня неудовольствия от процессов приобретения (изготовления) блага. В ходе торга вырабатывается компромисс между противостоящими позициями контрагентов. Именно в различии подходов сторон состоит дуальность полезности блага в процессе обмена…

Моделирование биполии затруднительно без исследования полезности денег. Как мы уже говорили в теме 2, деньги не обладают собственной полезностью, их полезность условна. Условием служит возможность обмена денег на иные блага.

Понятие полезности денег, участвующих в процессе обмена, дуально. Для покупателя оно отождествляется с полезностью получения денег, для продавца — с полезностью траты денег. *Полезностью денег для продавца* будем называть удовольствие, которое продавец получит от потребления благ, купленные на вырученные при обмене деньги. *Полезностью денег для покупателя* назовем удовлетворение от труда, необходимого для получения денег…»[1].

Студенты успешно проходили такие курсы, сдавали экзамены, поступали на работу, двигались по карьерной лестнице. Некоторые из них получили ученые степени и сейчас сами работают преподавателями. Возможно, теория мало помогла

[1] Тябин, В. Н. (1994). *Математическая теория ценообразования:* учебное пособие (с. 44–46). Обнинск: Институт атомной энергетики.

им в жизни, но во, всяком случае, и не помешала. У них могли бы возникнуть большие трудности, если бы они попытались применить эти знания к реальной хозяйственной деятельности, но такие же трудности возникли бы и в случае марксизма, и в случае большинства положений неоклассического мейнстрима.

В преподавании философии уже давно нет нормативных предписаний. В большей части курсов рассматриваются «на равных» различные концепции, которые должен знать образованный специалист. Таким образом, речь идет об истории философии, а не единственно верном взгляде на мир. Если бы неоклассика преподавалась в качестве раздела курса истории мысли наряду с политэкономией социализма и немецкой исторической школой, причем с привязкой к фактам экономической истории, такая дисциплина перестала бы являться бодрийяровским симулякром: здесь резко меняется научный дискурс. Особенностью истории мысли является то, что здесь в каждом разделе рассматриваются обстоятельства появления той или иной концепции на свет, совокупность экономических феноменов, которую эта концепция была призвана объяснить, а заодно приводится и критика, и факты, которые эту концепцию опровергают. Необходимость такой смены дискурса никем не отрицается в явной форме. Но на практике для истории мысли, а тем более обычной истории остается все меньше часов. Стоит еще раз повторить — преподавание как политической, так и экономической истории, а заодно и истории мысли в российских вузах сокращено до минимума, а кое-где и вовсе исчезло.

Возвращение истории в российские вузы было бы неплохо дополнить как спецкурсами по современным проблемам экономического роста и отраслевых рынков, так и курсом по философии и методологии экономической науки. Последний, несмотря на свое название, позволил бы студентам освоить подходы к созданию идеологических конструктов в формах, доступных пониманию и начальства, и коллег-прогрессоров. Остановимся на двух небольших примерах.

Марксистская диалектика[1]. Спецификой этого подхода к характеристике любого объекта является выделение его отдельных сторон, которые представляют собой, таким образом, «единство противоречий», после чего каждая сторона принимает отдельную форму, связанную с объектом и подлежащую измерению (превращение количества в качество). После этого проделывается операция, известная в математике как «умножение на ноль», в диалектике это «отрицание отрицания»: объект в одной форме представляет собой одно количество, в другой — другое, но это все еще тот же объект. После чего «противоречие снимается» через превращение «сущности объекта» в новый объект.

Возьмем для примера что-нибудь безобидное и не связанное с «Капиталом» К. Маркса, например, стол. Этот объект одновременно стоит и лежит на полу. В качестве своего места для сидения за ним (обеда или написания текста) он может быть сдан в аренду по 50 руб. за 1 час, но если место на столе предлагается для лежания на нем (ночлега), то аренда составить 320 руб. за ночь (ночлег длится 8 час). Таким образом, стол стоит 320 руб., но если его эксплуатировать, сдавая в аренду для сидения за ним, то он принесет 400 руб. Разница в оценках составляет потенциал добавленной ценности, которую стол может приобрести в процессе продажи благодаря рекламе. Чтобы освободить платоновскую идею «стольности» от эксплу-

[1] Развернутая характеристика диалектики, с помощью которой можно получить любые требуемые выводы в отношении социальных проблем, и которой мы пользуемся для построения данного примера, представлена в кандидатской диссертации А. А. Зиновьева (2002).

атации, она может принять другую форму, превратившись в конторку или кульман, что будет означать следующую стадию эволюции стола.

Конечно, чтобы полностью овладеть этим методом и научиться, например, представлять идею Просвещения в качестве первоисточника немецкого национал-социализма (Адорно, Хоркхаймер, 1997), необходимо несколько специальных занятий. Однако в качестве способа быстрого создания правдоподобной квазиреальности диалектика, пожалуй, не знает себе равных.

Макроэкономическое равновесие. Этот подход позволяет также достаточно быстро конструировать рецепты экономической политики согласно предпочтениям начальства. Здесь исследователь работает с двумя агрегатами. Первый из них, совокупный спрос, складывается из расходов: государственных, потребительских, инвестиционных и т. д. Второй — из доходов: фирм и домохозяйств. Чтобы добиться экономического роста, нужно увеличить либо спрос, либо предложение, вторая сторона в силу принципа равновесия должна будет подтянуться к первой автоматически. Если начальство склонно прислушиваться к «левым» силам, то необходимо увеличивать государственные расходы, тем самым обеспечивая прирост совокупного спроса. Однако за этой простой рекомендацией стоит мощный аппарат аргументации кейнсианства.

Напротив, если начальство ориентируется скорее на либеральную экономическую повестку, то необходимо сокращать налоги и, по возможности, государственные расходы, добиваясь прироста экономики предложения. И за этой рекомендацией стоит не менее мощный аппарат аргументации ряда экономических школ, от классического либерализма до монетаризма и теории рациональных ожиданий.

Особенно приятно то, что и в случае роста государственных расходов, и в случае сокращения налогов работают похожие мультипликаторы. Это существенно упрощает расчеты ожидаемого увеличения темпов экономического роста.

Как нам представляется, курс философии и методологии экономической науки, с одной стороны, позволил бы будущим экономистам разбираться в тех «экономических мирах» (Сагден, 2012), которые создают теоретики. Как минимум, знание основ конструирования различных онтологий позволяет понимать как возможности экономических концепций, так и их ограничения. Как максимум, прослушавшие этот курс должны уметь сами создавать убедительные конструкции либертарианства, социализма, экономики благосостояния и других экономических течений, привлекающих публику своими характеристиками. Как показал уже упоминавшийся нами Бодрийяр, основное содержание экономики начиная с конца XX в. представляет собой производство и продажу симулякров, более того, зачастую этот процесс сводятся к продаже символов, знаков. Возможно, это и не пригодится будущим финансистам и менеджерам, но позволит им опознавать очередные идеологемы, которые будет выдвигаться премьером или, скажем, председателем Центрального банка как безальтернативные.

5. Заключение: универсальность образования и плюрализм реальности

Ситуация, когда один профессор горячо расписывает студентам полезность приватизации, либерализацию зарегулированных рынков и необходимость сокращения социальных государственных расходов, в то время как в следующем семестре с той же искренней убежденностью другой профессор настаивает на национализации, усилении регулирования и активизации государственной социаль-

ной поддержки, которая должна охватывать все слои населения, встречается в российских вузах достаточно часто. Можно ожидать, что при таком идеологическом разнообразии сдача экзаменов заставляет студентов тренироваться в лицемерии либо перед первым, либо перед вторым, либо перед обоими профессорами сразу.

Возвращение в вузы курсов истории и переход основной части современной экономической теории в статус истории мысли заставит преподавателей избавиться от явной идеологической предубежденности, а студенты будут спокойнее воспринимать различные концепции как ныне живых, так и покойных теоретиков. Опять-таки, это позволит получить дополнительные часы академической нагрузки нашим коллегам, специализирующимся на истории мысли, философии и методологии, интересы которых мы пытаемся отстаивать в этой статье.

По нашему мнению, кризис теории модернизации и прежнего понимания прогресса — это надолго. Это значит, что будет продолжаться не только фрагментация мировой экономики, но и социальных структур внутри национальных экономик. Теоретики будут строить свои модели и бороться за овладение ускользающей реальностью. По-видимому, в поисках альтернативных интерпретаций в будущем все больше будет востребован философский номинализм, не отрицающий универсалии, но делающий акцент на единичном опыте. Это позволит спокойнее обсуждать складывающийся плюрализм реальности и искать варианты объединения фрагментов.

Собственно, определенный прогресс уже есть. Еще сорок лет назад ученых, которые стали бы говорить о плюрализме реальности и ошибочности исторического материализма, коллеги отвели бы на диагностику к психиатрам. Сейчас подобные рассуждения уже не вызывают у российского научного сообщества столь агрессивной реакции.

Список источников

Адорно, Т., Хоркхаймер, М. (1997). *Диалектика Просвещения. Философские фрагменты*. Москва, Санкт-Петербург: Медиум, Ювента, 312.

Аузан, А. А., Мальцев, А. А., Курдин, А. А. (2023). Российское экономическое образование: образ ближайшего будущего. *Вопросы экономики,* (10), 5–26. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-10-5-26

Балацкий, Е. В. (2022). Новые императивы экономического знания: на пути к социономике. *Социальное пространство, 8* (4). https://doi.org/10.15838/sa.2022.4.36.2

Бегельсдейк, Ш., Маселанд, Р. (2016). *Культура в экономической науке: история, методологические рассуждения и области практического применения в современности*. Москва, Санкт-Петербург: Изд-во Института Гайдара; Изд-во Международные отношения; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 464.

Богданов, А. А. (1989). *Тектология: Всеобщая организационная наука. В 2-х кн.* Москва: Экономика.

Бодрийяр, Ж. (2007). *К критике политической экономии знака.* Москва: Академический проект, 335.

Бузгалин, А. В., Колганов, А. И. (2023). Экономическое образование: качественное обновление необходимо и возможно. *Вопросы экономики,* (11), 141–160. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-11-141-160

Бурдье, П. (2017). *Homo academicus*. Москва: Изд-во Института Гайдара, 464.

Виттфогель, К. А. (1957). *Восточный деспотизм. Сравнительное исследование тотальной власти.* http://samlib.ru/s/strahow_a_a/wittfogel-oriental-despotism.shtml (дата обращения: 21.08.2024).

Восленский, М. (1991). *Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза*. Москва: «Советская Россия» совм. с МП «Октябрь», 624.

Гайдар, Е. (2006). *Гибель империи: уроки для современной России.* Москва: РОССПЭН, 592.

Гребнев, Л. С. (2024). Что первично: определенность целей или ограниченность средств? *Вопросы экономики,* (8), 140–158. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-8-140-158

Григорьев, Л. М. (2024). Таланты и их профессора: чему и как учить? *Вопросы экономики,* (8), 111–126. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-8-111-126

Джилас, М. (1958). *Новый класс: Анализ коммунистической системы*. Нью-Йорк: Издательство Фредерик А. Прегер, 248.

Зимбардо, Ф. (2014). *Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев.* Москва: Альпина нон-фикшн, 740.

Зиновьев, А. А. (2002). *Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса).* Москва: ИФ РАН, 321.

Кирдина-Чэндлер, С. Г. (2023). О синтезе и междисциплинарности в экономической теории: сравнение русскоязычного и англоязычного дискурсов. *AlterEconomics, 20*(1), 59–78. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-1.4

Кронрод, Я. А. (1992). *Очерки социально-экономического развития XX века.* Москва: Наука, 228.

Кубедду, Р. (2008). *Политическая философия австрийской школы: К. Менгер, Л. Мизес, Ф. Хайек*. Москва, Челябинск: ИРИСЭН, Мысль, Социум. 406.

Лахман, Р. (2010). *Капиталисты поневоле: конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего нового времени.* Москва: Издательский дом «Территория будущего», 456.

Лахман, Р. (2022). *Пассажиры первого класса на тонущем корабле. Политика элиты и упадок великих держав.* Москва: Книжный магазин «Циолковский», 616.

Либман, А. М. (2023). Междисциплинарные исследования и смешанные методы: перспективы и ограничения. *Вопросы теоретической экономики,* (3), 35–48. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2023_3_35_48

Макконнелл, К. Р., Брю, С. Л. (1993). *Экономикс: Принципы, проблемы и политика. В 2-х т*. Москва: Республика.

Маркс, К., Энгельс, Ф. (1960). *Сочинения. Т. 23.* Москва: Госполитиздат, 907.

Нисбет, Р. (2013). *Прогресс. История идеи.* Москва: ИРИСЭН, Мысль, 557.

Норт, Д., Уоллис, Д., Вайнгаст, Б. (2011). *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества.* Москва: Изд-во Института Гайдара, 480.

Сагден, Р. (2012). Правдоподобные миры: статус теоретических моделей в экономической науке. Под ред. Д. Хаусмана, *Философия экономики: Антология* (с. 475–518). Москва: Изд. Института Гайдара.

Тамбовцев, В. Л. (2024). Реформа экономического образования или реформа экономических знаний? *Вопросы экономики,* (8), 127–139. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-8-127-139

Шаститко, А. Е. (2024). Экономическое образование как зеркало внутридисциплинарного дискурса. *Вопросы экономики,* (1), 137–153. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-1-137-153

Ясперс, К. (1991). *Смысл и назначение истории.* Москва: Политиздат, 527.

Fogel, R., & Engerman, S. (1974). *Time on the Cross: The Economics of American Negro Slavery. In 2 Vol.* Little, Brown and Company.

Levy, M. J. (2010). *Modernization and Structure of Societies*. Princeton University Press.

References

Adorno, T., & Horkheimer, M. (1997). *Dialektika Prosveshcheniya. Filosofskiye fragmenty [Dialectic of Enlightenment. Philosophical Fragments]*. Moscow, St. Petersburg: Medium Publ., Yuventa Publ. (In Russ.)

Auzan, A. A., Maltsev, A. A., & Kurdin, A. A. (2023). Russian economic education: Image of the near future. *Voprosy Ekonomiki,* (10), 5–26. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-10-5-26 (In Russ.)

Balatsky, E. V. (2022). The New Imperatives of Economic Knowledge: On the Way to Socionomics. *Sotsialnoye prostranstvo [Social area], 8*(4). https://doi.org/10.15838/sa.2022.4.36.2 (In Russ.)

Baudrillard, J. (2007). *K kritike politekonomii znaka [For a Critique of the Political Economy of the Sign]*. Moscow: Akademicheskiy Proyekt Publ. (In Russ.)

Beugelsdijk, S., & Maseland, R. (2016). *Kultura v ekonomicheskoy nauke: istoriya, metodologicheskiye rassuzhdeniya i oblasti prakticheskogo primeneniya v sovremennosti [Culture in Economics: History, Methodological Reflections, and Contemporary Applications]*. Moscow, St. Petersburg: Gaidar Institute Publ.; Publishing House of International Relations; Faculty of Liberal Arts and Sciences of Saint Petersburg State University. (In Russ.)

Bogdanov, A. A. (1989). *Tektologiya: Vseobshchaya organizatsionnaya nauka [Tectology: General Organizational Science]*. In 2 Books. Moscow: Ekonomika Publ. (In Russ.)

Bourdieu, P. (2017). *Homo Academicus*. Moscow: Gaidar Institute Publ. (In Russ.)

Buzgalin, A. V., & Kolganov, A. I. (2023). Economic education: A qualitative renewal is necessary and possible. *Voprosy ekonomiki,* (11), 141–160. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-11-141-160 (In Russ.)

Cubeddu, R. (2008). *Politicheskaya filosofiya avstriyskoy shkoly: K. Menger, L. Mizes, F. Khayek [The Philosophy of the Austrian School]*. Moscow, Chelyabinsk: IRISEN, Mysl Publ., Socium Publ. (In Russ.)

Djilas, M. (1958). *Novyy klass: Analiz kommunisticheskoy sistemy [The New Class: An Analysis of the Communist System]*. Frederick A. Praeger Publ. (In Russ.)

Fogel, R., & Engerman, S. (1974). *Time on the Cross: The Economics of American Negro Slavery* (In 2 Vol.). Little, Brown and Company.

Gaidar, E. (2006). *Gibel imperii: uroki dlya sovremennoy Rossii [The Collapse of an Empire: Lessons for Modern Russia]*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Grebnev, L. S. (2024). What comes first: Certainty of goals or scarcity of means? *Voprosy ekonomiki,* (8), 140–158. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-8-140-158 (In Russ.)

Grigoryev, L. M. (2024). Talents and their professors: What and how to teach? *Voprosy ekonomiki,* (8), 111–126. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-8-111-126 (In Russ.)

Kirdina-Chandler, S. G. (2023). On Synthesis and Interdisciplinarity in Economics: Comparison of Russian and English Discourses. *AlterEconomics, 20*(1), 59–78. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-1.4 (In Russ.)

Kronrod, Ya. A. (1992). *Ocherki sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya XX veka [Essays on the Socio-Economic Development of the Twentieth Century]*. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Lachmann, R. (2010). *Kapitalisty ponevole: konflikt elit i ekonomicheskie preobrazovaniya v Evrope rannego novogo vremeni [Capitalists in Spite of Themselves: Elite Conflict and Economic Transitions in Early Modern Europe]*. Moscow: "Territoriya budushchego" Publishing House. (In Russ.)

Lachmann, R. (2022). *Passazhiry pervogo klassa na tonushchem korable. Politika elity i upadok velikikh derzhav [First-Class Passengers on a Sinking Ship: Elite Politics and the Decline of Great Powers]*. Moscow: Tsiolkovsky Bookstore. (In Russ.)

Levy, M. J. (2010). *Modernization and Structure of Societies*. Princeton University Press.

Libman, A. (2023). Interdisciplinary research and mixed methods: perspectives and limitations. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki [Issues of Economic Theory],* (3), 35–48. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2023_3_35_48 (In Russ.)

Marx, K., & Engels, F. (1960). *Sochineniya. T. 23 [Collected Works. Vol. 23]*. Moscow: Gospolitizdat. (In Russ.)

McConnell, C. R., & Brue, S. L. (1993). *Ekonomiks: Printsipy, problemy i politika [Economics: Principles, Problems, and Policies]. In 2 Volumes*. Moscow: Respublika Publ. (In Russ.)

Nisbet, R. (2013). *Progress. Istoriya idei [History of the Idea of Progress]*. Moscow: IRISEN, Mysl Publ. (In Russ.)

North, D., Wallis, J., & Weingast, B. (2011). *Nasiliye i sotsialnyye poryadki. Kontseptualnyye ramki dlya interpretatsii pismennoy istorii chelovechestva [Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History]*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House. (In Russ.)

Shastitko, A. E. (2024). Economic education as a mirror of interdisciplinary discourse. *Voprosy Ekonomiki,* (1), 137–153. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-1-137-153 (In Russ.)

Sugden, R. (2012). Credible Worlds: The Status of Theoretical Models in Economics. In D. M. Hausman (Ed.), *Filosofiya ekonomiki: Antologiya [The Philosophy of Economics: An Anthology]* (pp. 475–518). Moscow: Gaidar Institute Publishing House. (In Russ.)

Tambovtsev, V. L. (2024). Reform of economic education or reform of economic knowledge? *Voprosy Ekonomiki,* (8), 127–139. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-8-127-139 (In Russ.)

Voslensky, M. (1991). *Nomenklatura. Gospodstvuyushchiy klass Sovetskogo Soyuza [Nomenclature. The Ruling Class of the Soviet Union]*. Moscow: MP "Oktyabr" joint "Sovetskaya Rossiya" Publ. (In Russ.)

Wittfogel, K. A. (1957). *Vostochnyy despotizm. Sravnitelnoe issledovanie totalnoy vlasti [Oriental despotism. A comparative study of total power]*. "Soviet Russia" collab. with MP October. http://samlib.ru/s/strahow_a_a/wittfogel-oriental-despotism.shtml (Date of access: 21.08.2024).

Yaspers, K. (1991). *Smysl i naznachenie istorii [The meaning and purpose of the story]*. Moscow: Politizdat Publ. (In Russ.)

Zimbardo, P. (2014). *Effekt Lyutsifera. Pochemu khoroshie lyudi prevrashchayutsya v zlodeev [The Lucifer Effect: Understanding How Good People Turn Evil]*. Moscow: Alpina Non-Fiction Publisher. (In Russ.)

Zinovyev, A. A. (2002). *Voskhozhdenie ot abstraktnogo k konkretnomu: na materiale "Kapitala" K. Marksa [Ascent from the Abstract to the Concrete: Based on K. Marxs "Capital"]*. Moscow: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

Информация об авторах

Ореховский Петр Александрович — доктор экономических наук, профессор, заведующий сектором философии и методологии экономической науки, главный научный сотрудник, Институт экономики РАН; https://orcid.org/0000-0003-2816-1298 (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский пр., 32; e-mail: orekhovskypa@mail.ru).

Разумов Владимир Ильич — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теологии, философии и культурологии, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского; https://orcid.org/0000-0002-6904-9764 (Российская Федерация, 644077, г. Омск, пр. Мира, 55; e-mail: RazumovVI@omsu.ru).

About the authors

Petr A. Orekhovsky — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Philosophy and Methodology of Economic Science Sector, Chief Research Associate, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; https://orcid.org/0000-0003-2816-1298 (32, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: orekhovskypa@mail.ru).

Vladimir I. Razumov — Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Professor of the Department of Theology, Philosophy and Cultural Studies, Dostoevsky Omsk State University; https://orcid.org/0000-0002-6904-9764 (55, Mira Prospekt, Omsk, 644077, Russian Federation; e-mail: RazumovVI@omsu.ru).

Дата поступления рукописи: 21.11.2024.
Прошла рецензирование: 05.12.2024.
Принято решение о публикации: 28.01.2025.
Received: 21 Nov 2024.
Reviewed: 05 Dec 2024.
Accepted: 28 Jan 2025.